В.А. Ковалёв

ЕСТЬ У РЕВОЛЮЦИИ НАЧАЛО?
(Статья 1-я)

**Ковалёв Виктор Антонович – доктор политических наук,
профессор Сыктывкарского госуниверситета им. Питирима Сорокина.**

В связи с 100-летней годовщиной революции 1917 г. в России наблюдается повышение интереса и к этим событиям и феномену революции как таковому. Проблематика революции сегодня актуальна как в теоретическом, так и в прикладном отношении. Тем более что в мире происходит немало разнообразных революций (и «революций»). Понятие «революция» сейчас употребляется часто, пожалуй, даже слишком часто, и по довольно разным поводам. Автор этой статьи также обращался к данной теме на примере «Социологии революции» П.А. Сорокина [8]. Теперь, несколько лет спустя, в связи с проблематикой революции появляются новые варианты старых вопросов, не в последнюю очередь и в силу важных политических событий, произошедших и происходящих в России и в мире.

Прошлое тесно переплетается с актуальной повесткой дня, и порой трудно определить, где история, а где политика. Надо учитывать, что такое смешение проистекает из-за того, что «великий Октябрь» – для нашего общества не просто «страница истории» – пусть очень яркая, но, казалось бы, уже перевернутая. Нет, события прошлого продолжают довлеть над нами не только в телевизоре или на страницах книг, а оказывают явное или подспудное влияние на текущее положение дел. Что поделать, если советские стереотипы, коммунистическая мифология в нашей стране по-прежнему имеют власть над умами миллионов людей и оказывают влияние на их поступки.

Была ли революция осени Семнадцатого года неизбежностью или ее можно было избежать, направив события по другой траектории? Эти и подобные вопросы и сегодня, столетие спустя после произошедший катастрофы, многим не дают покоя. Сегодня прийти к согласованному ответу совершенно невозможно. Многие продолжают утверждать, что избежать

революции в России никак было нельзя, она произошла бы в любом случае; более того, положительные оценки большевистского переворота тоже не являются редкостью. Автор этих строк резко отрицательно относится к подобному телеологизму (фатализму) и согласен с оценкой ее как русской трагедии, но это просто зафиксированная авторская позиция, но никак не приглашение к дискуссии по данным вопросам (которая, если начнется, то не кончится никогда). Продуктивнее сосредоточиться на других проблемах.

Революция как распад государства. Феномен революции и актуальная повестка дня

Определений революций множество. Одна из обобщенных характеристик социально-политической революции содержится у Ш. Эйзенштадта: «Принято считать, что предпосылками революции становятся фундаментальные социальные аномалии или вопиющие проявления несправедливости, соединение борьбы между элитами с более широкими или глубокими социальными факторами, подобными классовой борьбе, социальные сдвиги, вовлечение в социальное движение крупных (особенно вновь возникающих) общественных групп и их политическая организация.

Результаты революций представляются многогранными. Во-первых, это насильственное изменение существующего политического режима, основ его легитимности и его символики. Во-вторых, замена неспособной политической элиты или правящего класса другими. В-третьих, далеко идущие изменения во всех важнейших институциональных сферах, в первую очередь в экономике и классовых отношениях, – изменения, которые направлены на модернизацию большинства аспектов социальной жизни, на экономическое развитие и индустриализацию, централизацию и расширение круга участвующих в политическом процессе. В-четвертых, радикальный разрыв с прошлым (хотя еще А. Токвиль указывал на относительность этого разрыва в своей книге “Старый порядок и революция”). [20]. Исходя из крайне идеологизированных, милленаристских представлений участников революции считают, в-пятых, что революции осуществляют не только институциональные и организационные преобразования, но и вносят изменения в нравственность и воспитание, что они создают или порождают нового человека. Эти пять черт составляют образ чистой революции, как он сложился в общественном сознании и социологической литературе» [23, с. 45].

Более краткое определение политической революции дает популярный исследователь революций Джек Голдстоун: «Революция – это насильственное свержение власти, осуществляемое посредством массовой мобилизации (военной, гражданской или той и другой вместе взятых) во имя социальной справедливости и создания новых политических институтов» [7, с. 15]. Для

целей нашего исследования эти современные определения революции вполне подходят. В то же время остаются актуальными и подходы к социологии революции, которые были предложены в 1920-х годах Питиримом Сорокиным. Творческое наследие П.А. Сорокина привлекает тем, что в изучении социальных трансформаций он подробно описал и проанализировал политические перевороты, сравнивая российскую катастрофу с другими революциями в истории. Он также попытался объяснить базовые причины кризисных изменений через общемировую социокультурную динамику. В середине 1920-х годов Питирим Сорокин писал о причинах политических революций в основном как об «ущемлении базовых инстинктов» и, грубо говоря, как о неком массовом помешательстве, «растормаживании условных рефлексов». Социальная революция – это когда природа как бы берет вверх над культурой и социальностью: «“Ущемленные” рефлексы начинают давить на другие, эти – на следующие, происходит взрыв и наступает “извержение вулкана”. Кора социальных форм поведения лопается и разрывается, огонь биологических импульсов прорывается наружу…» [19, с. 277].

Устарел ли такой сорокинский подход или, наоборот, выживший в той российской Смуте социолог видел то, от чего закрывается сознание современных ученых? Как пишет В.П. Булдаков: «Увы, в своем большинстве современные “аналитики” шарахаются от попыток поиска истоков социальных кризисов в исторических надрывах человеческой психики» [3, с. 19]. Сам В. Булдаков в своих обширных и многочисленных исторических трудах эти «надрывы» изучает и описывает очень подробно [1; 2].

Да, идеологические и психологические факторы играют в революциях огромную роль. Массами порой овладевают идеи, «становящиеся материальной силой», которые при спокойном и стороннем рассмотрении трудно охарактеризовать иначе, как «безумные». Часто они связаны с соблазном окончательного решения проблем «старого мира», через его уничтожение и переход к «Новой земле под Новым небом». Масса населения быстро превращается в подобие стада баранов, которое ведут на гибель провокаторы и безумцы. Как замечал Ш. Эйзенштадт: «Центральное место в этом лидерстве приобрели особые культурные группы – религиозные или секулярные, – прежде всего интеллигенция и политические активисты, среди которых выделялись носители гностических представлений о построении Небесного Града или же какой-то его секулярной версии на Земле» [23, с. 31]. В российском случае вековой давности это можно объяснить как малограмотностью населения, так и аномалиями в сознании отечественно образованного класса (возможно, обусловленными недостаточностью того, что можно обозначить как «светский рационализм»), отсюда и повальное увлечение дикими революционными «теориями». Но в любом случае «психологии» для объяснения революционных завихрений явно мало.

Да, идеи и образы разрушения «до основанья» Старого порядка порой могут приобрести над людьми огромную власть. Однако почему происходит это бурление масс, вдохновляемых идеями типа «всемирной коммуны» или исламского фундаментализма. Нам представляется, что в этих процессах ведущую роль играет демографический фактор; в условиях перенаселения, пусть и относительного, масса людей, не находящих в окружающих условиях места для сколько-нибудь достойной жизни, ищет и находит идеи, предлагающие эти условия уничтожить. В итоге «лишние люди» успешно уничтожают друг друга под теми или иными радикальными лозунгами.

В предвидении и анализе революций и других кризисных явлений наиболее актуальным, по-моему, продолжает оставаться неомальтузианство, конечно, в сочетании с другими подходами [15].

Когда недостаточно развитые экономические структуры не могут справиться с возросшим демографическим давлением (возможно также, что если этого давления нет, и доля молодежи в населении страны не слишком велика, то революционные процессы протекают в гораздо более мягкой и мирной форме, как мы можем наблюдать это в целом ряде нынешних революционных или псевдореволюционных событий[1]), а государственная власть, как представляется, совершает ошибку за ошибкой, то массы дружно заводят песню «вскипел наш разум возмущенный», чувствуя себя не только глубоко ущемленными, но и готовыми к решительной борьбе.

Понятно, что одного «ущемления базовых инстинктов» для наступления революционного кризиса недостаточно, должны действовать и другие факторы. Как показал Токвиль, радикализм того или иного движения не соотносится со степенью обнищания масс, на самом деле то, что предопределяет степень радикализма, находится скорее в области идеологической и эмоциональной динамики возникающего конфликта, хотя теоретическое осмысление

1. «Миллионные жертвы и массовое насилие вовсе не обязательный атрибут революции. В мире происходило и происходит немало бескровных революций. Более того, для революций последних двух-трех десятилетий вообще характерны минимизация насилия» [18, с. 17].

Сейчас во многих странах, в том числе и РФ, невысока доля молодежи, нет давления демографического фактора. Но нельзя исключать того, что этот фактор проявится, даже если население будет медленно расти или сокращаться. Это вполне может произойти при очередной технологической революции в развитых странах, когда большинство населения окажется объективно «лишними» [см.: 11]. Некая «постмодернистская» параллель такого кризиса возникает и в слаборазвитых государствах, например зависящих от экспорта ограниченного сырьевого ресурса или пораженных острым внутренним противостоянием. Тогда деградирующая экономика не сможет поддерживать даже прежний уровень бедности, если население сокращается недостаточно быстро.

этого обстоятельства так и осталось незавершенным, считает Ф. Коллинз. Вплоть до настоящего момента истории практически все известные революции стали следствием не экономического кризиса капиталистических рынков, а следствием краха правительств [13, с. 48].

Собственно, это отмечал еще и П. Сорокин: «Для революции нужно не только ущемление инстинктов, но и наличие недостаточно сильного и умелого торможения со стороны власти и командующих слоев» [19, с. 578].

Современные теории революции [24; 7] делают упор не только на восстания народа, ущемленного в своих базовых инстинктах, но и на политические кризисы государств, не справившихся с теми или иными вызовами: «Когда… обычные социальные механизмы, которые восстанавливают порядок во время кризисов, перестают работать, и общество переходит в состояние неустойчивого равновесия. Теперь любое неблагоприятное событие может вызвать волну народных мятежей и привести к сопротивлению элит, и тогда произойдет революция» [7, с. 35].

Для революции нужен только толчок, ведь «выбивают общество из колеи, выводят его из состояния равновесия не структурные, а случайные причины. Их диапазон широк: от резкого скачка цен или вопиющего политического скандала до военного поражения и спонтанного начала массовых акций протеста. От использования неоправданных, с точки зрения общества, репрессий до ощущения национального унижения и морального негодования в связи с фальсификацией выборов» [18, с. 48].

В последние годы по миру прошла волна так называемых «цветных» революций, имевших весьма противоречивые результаты и последствия. Это и демократические трансформации в рамках так называемой «третьей волны» [21], и среди них особенно «бархатные революции» в Восточной Европе, покончившие с коммунизмом, и политические перевороты на постсоветском пространстве [6], и события так называемой «арабской весны» [17].

Естественно, что к этому феномену привлечено у нас повышенное внимание, так как многие здесь опасаются повторения чего-то подобного и в РФ, другие считают это возможным или необходимым, желательным или неизбежным, тем, что вполне укладывается в нынешние мировые тенденции: «Во всем остальном мире (за исключением Китая и Белоруссии) “цветные” революции считаются полноценными революциями. С этих позиций “цветные” революции вполне укладываются в тип так называемых “демократизирующих” революций» [18, с. 40]. Если признать демократизацию неотъемлемой чертой модернизации (наряду с бюрократизацией, секуляризацией, индустриализацией и т.д.), то при модернизации вопрос о демократических преобразованиях как наиболее соответствующей форме существования современных политий будет вставать вновь и вновь. Поэтому рано или поздно обречены на крах и персоналистские диктатуры, о которых Голдстоун писал: «Режим,

который первоначально опирался на выборы, военных или партию, превращается в персоналистскую диктатуру. В таких режимах, чем дольше правитель остается у власти, тем более коррумпированной она становится и тем большую выгоду извлекают из этого члены его семьи и близкие друзья. Правитель может утратить представление о реальности, и ему теперь безразлично, страдает или нет население от его экономической политики. По мере того как все большие слои элит и групп населения чувствуют притеснение и отчуждение, режим в их глазах становится нелегитимным и несправедливым. Когда экономический кризис ослабляет или провоцирует мятеж, такой правитель вскоре обнаруживает себя изолированным и покинутым собственными элитами» [7, с. 41]. Такие революции могут развиваться и относительно мирным путем – так называемая «переговорная революция» [там же, с. 47].

«Верхи не могут, а низы не хотят». Вариаций на эту тему довольно много. Валерий Соловей полагает, что «верхи» вполне способны своей политикой довести до революционного взрыва, ведь «дорогу к потрясениям торят глупость, трусость и жадность правящего класса», когда «низам» это, наконец, надоест: «Если вы имеете дело с диктатурой или обезумевшим от безнаказанности (полу)авторитарным режимом, то должны ясно понимать, что такой режим никогда и не при каких условиях не откажется от власти добровольно. И что у вас не существует никаких легальных средств заставить его уйти или поступиться властью. Выборы будут фальсифицированы. Моральные призывы и критика проигнорированы. Люди, пытающиеся изменить власть изнутри, коррумпированы или вычищены. Вы всё испробовали и ваши надежды рухнули? Неправда! У вас осталась воля к переменам, воля к борьбе и появился интеллектуальный реализм. Теперь вы твердо и окончательно убеждены, что власть / режим невозможно трансформировать, а можно лишь свергнуть» [18, с. 298–299].

Есть ли в принципе то, что может помешать такому развитию событий? Что если попробовать в этом вопросе выступить в роли «адвоката дьявола».

Силы «контрреволюции»: История и современная практика

Почему революции происходят или не происходят? Как и почему силы контрреволюции могут перевесить революционные порывы и возможности. В чем проблема установления и сохранения того или иного порядка [22], либо бунта против него [4].

Рассмотрим этот вопрос с нейтральной позиции без положительных и отрицательных оценок. Что может помешать успешному началу и результативному итогу революции в некой стране с той или иной разновидностью авторитарного режима, где «базовые инстинкты» (Сорокин) периодически и

значительно ущемляются, «верхи» не справляются с задачами национально-государственного развития или вовсе заняты другим, а в «низах» зреет глухое недовольство.

Если взять российский случай, то в нынешних условиях мы бы обратили внимание прежде всего на такие важные факторы, как сохраняющаяся консолидация правящего режима, отсутствие привлекательных претендентов на власть и популярных программ, привлекательных по сравнению со статус-кво, а также страх населения перед неопределенностью и неверие в успех альтернатив, вследствие отрицательного отечественного опыта попыток радикальных преобразований; большое значение имеет также мобилизация режимом патриотических настроений в целях собственного укрепления. Попробуем взглянуть на эти факторы, применительно к текущему положению дел в РФ.

Сохраняющаяся консолидация режима

Экономический кризис в России сейчас налицо, вслед за ним можно увидеть и признаки кризиса политического. К числу таковых можно, например, отнести грызню среди представителей «верхов» из-за убывающей «кормовой базы», жертвами которой (предположительно) становятся министры, «силовики» из конкурирующих ведомств, губернаторы [10] и т.д. При этом режим в целом сохраняет признаки большой устойчивости. Сложившиеся институты (пусть даже далекие от формально-конституционных) серьезно не оспариваются ни «снизу», ни «сверху», хотя по их поводу можно заметить серьезное недовольство. В свое время в США была создана специальная группа для изучения политической нестабильности в странах мира в период 1955–2002 гг. (в руководство группы вошли, в частности, Т. Гарр и Д. Голдстоун). По результатам исследования, наиболее значимым фактором политической стабильности была признана устойчивость политических институтов [16, с. 102]. Именно так, хотя формулировка «устойчивость политических институтов» в конкретных условиях звучит весьма расплывчато. Еще раз повторим, что речь не идет только лишь об институтах, как они закреплены в основном законе и т.п.; в случае ряда стран гораздо важнее тот порядок («режим»), который сложился в ходе существующей практики. К тому же «нестабильность» часто не вызывает никаких революций: и если первую предсказать можно с высокой долей вероятности, то вторые практически этому не поддаются.

Для политизированной публики общим местом стало рассуждение о том, что режим в РФ укрепился благодаря высоким нефтяным ценам и их падение ослабит его в политическом отношении. В этом есть доля правды. Как будто верно, что государство обречено на кризис, когда попадет в критическую

зависимость от одного ресурса (углеводородов); и падение нефтяных цен, а также появление серьезных энергетических альтернатив на мировом рынке объективно ослабляют режим, но автоматически это к его распаду, конечно, не приведет.

Революции происходят из-за распада сверху, а не из-за восстания снизу. Не имеет значения уровень лишений широких групп населения: они не способны разрушить государство до тех пор, пока сплочены элиты и их военный репрессивный аппарат [12, с. 55]. Пока деятели режима выступают как «скованные одной цепью, связанные одной целью», а цель эта в сохранении существующего положения независимо от внутренних острых конфликтов. Выпадение «слабых звеньев» пока не ослабляет этой цепи, а наоборот, укрепляет всю «цепь» внеэкономическоого принуждения и экономического монополизма, делая ее звенья более зависимыми друг от друга, и от сохранения существующего порядка, и от лидера, его олицетворяющего, вне зависимости от того, как «бульдоги под ковром» относятся к нему и / или друг к другу.

Субъективный фактор – отсутствие альтернативных претендентов и обнадеживающих перспектив. Страх масс перед Хаосом

В рассуждениях «о грядущей революции в России» некоторые авторы полагают такую революцию делом вполне реальным, которое могло бы уже произойти, и успеху которого помешала лишь какая-то случайность. Так, В. Соловей в своей последней книге о революции, которая опять не произошла в нашей стране, утверждает, что революционная ситуация была «в декабре 2011 г. в России, когда организаторы протестных митингов пошли на фактический сговор с властью. А ведь ситуация тогда висела в прямом смысле слова на волоске и Кремль был готов был пойти на существенные уступки, включая досрочные парламентские выборы» [18, с. 58].

Довольно наивно, по-моему, рассматривать выступления против фальсификации выборов в РФ, случившиеся в конце 2011 – первой половине 2012 г., как опыт неудавшейся революции. Неправильно также сводить причины ее неудачи исключительно к субъективному фактору. Да, он очень важен, и лидеры «болотных протестов» действительно трусили и допускали ошибки. Но была ли «белоленточная» революция возможной и / или даже желательной для российского населения. Довольно странно было бы видеть в качестве лидеров «народного протеста» персонажей, откровенно презирающих большинство населения России (как «быдло», «анчоусов», «серую массу» и пр.) и относящихся к «этой стране» и ее народу с поистине зоологической ненавистью. С такими «вождями» выступления «белоленточников» были изна-

чально обречены и в критерии потенциально успешной революции никак не вписывались.

Это, кстати, вполне подтвердили и последующие события в мире, после которых тупиковость многих «революций» и бесперспективность участия в них в ряде конкретных ситуаций стала еще более ясной. Зачем людям рисковать «выйти на площадь», если видно, как после Тахрира происходит лишь реконфигурация власти военных, а после майданных шабашей лишь смена у власти криминальных группировок. Если эти или подобные аргументы используют апологеты режима, вызывающего не лучшие чувства, то это не значит, что с этими аргументами не стоит считаться или отбрасывать их по соображениям «партийной» солидарности. Группам, претендующим на звание «оппозиции», это, конечно, нравиться не может, но тем хуже для такой «оппозиции». Тем более если говорить о значительной части «оппозиции» в Российской Федерации, бесконечно демонстрирующей неумеренное «низкопоклонство перед Западом», с зашкаливающим градусом русофобии и презрения к «этой стране».

И, однако, замечание В. Соловья о субъективном, личностном факторе в политической борьбе само по себе не вызывает сомнений: «Воля к борьбе, включая готовность умирать за свои взгляды и идеалы, – абсолютно необходимое условие революции. И обратите внимание: это относится к человеческой экзистенции, а не к социологическим абстракциям. Если эта экзистенция отсутствует, то даже самые благоприятные условиях обернутся пшиком» [18, с. 58]. За «социологическими абстракциями» и теориями революции совсем упускается из виду то, что наряду с отсутствием раскола в «элитах», попросту отсутствуют те, кто всерьез готов бороться за власть в стране[2]. В РФ фактически нет никакой оппозиции правящему режимы – ни системной, ни внесистемной, ни «сверху», ни «снизу» – никакой и нигде.

Кстати, здесь уместными будут суждения Гегеля, извлеченные из его размышлений о диалектике господина и раба, в «Феноменологии духа»: «Только риском жизнью подтверждается свобода… Индивид, который не рисковал жизнью, может быть, конечно, признан *личностью*, но истины этой признанности как некоторого самостоятельного самосознания он не достиг»

2. О какой революции можно говорить при отсутствии революционеров. В социально-политической теории такой авторитетный автор, как Ч. Тилли, связывает революционную ситуацию с появлением серьезного претендента на государственную власть, когда, например, сами эти «претенденты возникают и завоевывают поддержку, когда действующий режим предъявляет своим подданным новые требования (чаще всего требования новых налогов), но при этом у правителя недостаточно сил для того, чтобы обеспечить их выполнение» [14, с. 73]. В теории всё выглядит логичным, но даже крайне непопулярный режим остается на месте, если ему не находится альтернативы.

[5, с. 102]. С этим в принципе согласен и современный автор: «В наши дни почти не нашлось людей, готовых жертвовать жизнями за свои убеждения и заблуждения. Нынешняя российская – легкоуправляемая – многопартийность превращается в средство имитации демократии» [3, с. 38].

Согласимся, что действительно мучительно тяжело осознавать пределы выбора в невыносимой ситуации, тем более что со времен немецкого классика трагический опыт бытия обогатился новыми гранями[3].

В общем старый лозунг партии социал-революционеров (к которой, кстати, вначале принадлежал, а потом, разочаровавшись в политической борьбе, ее ряды покинул Питирим Сорокин) – лозунг: «В борьбе обретешь ты право свое!» – остается предельно актуальным. Но это всегда риск.

Для того чтобы быть готовым к «борьбе» и поставить свою жизнь на кон, нужно выйти за рамки обычной, «нормальной» жизни. Далеко не все готовы к этому. Рискующие вожди, как правило, далеко выходят за рамки принятой человеческой морали и тем самым часто представляют для массы людей немалую опасность. Потому, более приемлемым для осторожного обывателя выглядит – оставить «бодливых коров» в положении политических маргиналов и не дать им обрести «рога» (по народной пословице).

Было бы странно, если бы господствующий режим оставлял без внимания происходящее в лагере своих противников и не заботился об укреплении своих позиций ценой огромных пропагандистских усилий: «Угроза гражданской войны в России используется властью как пропагандистский миф для

3. Изучение опыта борьбы с невыносимым давлением чужого и попытками выживания и сохранения достоинства под этим прессом не оставляет особого выбора. Это подтверждает, в частности, духовный опыт таких противоречивых мыслителей, как К. Шмитт, Э. Юнгер (на написание этого пассажа автора вдохновило чтение шмиттовской «Теории партизана» и юнгеровского эссе «Уход в лес». – В. К.), век жизни которых был опытом подлинных личностей. Выбор однако очень суров: «Как жить, если ты встретился взглядом с ликом Медузы Горгоны, если твое бытие соприкоснулось с Ничто или враждебным Иным, если душа дрожит от страха перед безжалостным врагом. Зеркальным щитом, отражающим горгоний взгляд ужаса, для героя может стать истинное понимание ситуации и духовная смелость видеть вещи такими, какие они есть, даже если истина предстает в ужасном обличии. Нация, которая не имеет своих "персеев", со щитом ума и понимания, обречена на гибель под гнетом парализующего ее страха и / или даже непонимания приближающегося конца. Духовное сопротивление в почти полностью безнадежной ситуации – это пример, вдохновляющий как избранных мыслителей, так и тысяч анонимных бойцов против наступающего зла. В условиях торжества современной глобальной цивилизации, становящейся все более античеловеческой, под финансовой и информационной властью Чужих, жестоко репрессируемых локальными полицаями, скоро уже "просто жить", даже очень скромно и тихо, станет практически невозможным делом. В этой перспективе МЫ ВСЕ – ЛИБО РАБЫ, ЛИБО ПАРТИЗАНЫ» [9, с. 154].

борьбы с оппозиционными настроениями. Посредством немудреных пропагандистских операций выстраивается так называемая “пугающая альтернатива”, обществу направляется послание: поддержите Кремль или вы получите революционный хаос; даже плохой порядок лучше хорошего беспорядка. *Подогреваемый властью дискурс гражданской войны в России спекулятивен и безоснователен, он служит ключевым моментом классической пропагандистской тактики “торговли страхом”. Людей элементарно запугивают, чтобы добиться их политической лояльности*» (курсив мой. – *В. К.*) [18, с. 129].

Полагаем, что всё не так просто. Дело не только в том, что по телевизору *врут, как дышат* (повторим, что ждать иного в существующей ситуации было бы странно), но «обычный человек» просто не может справиться со своими опасениями: он не понимает, зачем ему бороться, если в итоге он будет жить еще хуже. Рационально или не рационально, но простой обыватель, даже если отвлечься от влияния интенсивной проправительственной пропаганды, видит и понимает, что какая-нибудь «цветная революция», даже в случае успеха, мало что может ему дать, но зато многое может отнять. Ну и, наконец, нельзя не отметить, что при отсутствии достаточного революционного потенциала внутри страны, очень много зависит от внешнего фактора.

Отпор иностранному вмешательству и мобилизация режимом патриотических настроений

Феномен внешнего, иностранного вмешательства – явление, известное с древности. Оно встречается еще у Фукидида на примере событий на острове Керкира, связанных с войной между Афинами и Спартой [7, с. 47]. А уж если обратиться к опыту русских Смут…

Впрочем, посмотрим на то, что гораздо ближе. Разве усилия противника России в Первой мировой войне и подлость союзников не повлияли на события 1917 г. в России и судьбу последнего российского царя? «Закономерность» великой революции и наличие серьезных предпосылок для нее отрицать глупо, ввиду произошедшего революционного взрыва огромной разрушительной силы. Но при этом начало и ход революций, что прошлых, что современных, что будущих – без субъективного фактора и злонамеренного внешнего вмешательства представить невозможно. Трагическую гибель исторической России можно, конечно, объяснять множеством противоречий ее исторической траектории: от политики последнего царя до «неправильной» отмены крепостного права, а также безумствами Петра, церковным расколом, монгольским игом, выбором веры князем Владимиром и т.д. и т.п. Но это не отменяет того простого факта, что историческая Россия не потерпела решающего поражения в Мировой войне, а была убита при одобрении или

равнодушии как политизированного и образованного меньшинства, так и большинства малограмотного и инертного населения, не ведавшего, что оно творит. Бессмысленно отрицать, что в стране к Семнадцатому году накопилось очень много «революционной взрывчатки» («рвануло во всемирно-историческом масштабе»!), но почему указание на деятельность, например, какого-нибудь Парвуса (блестяще описанного А.И. Солженицыным в соответствующих «узлах» «Красного колеса») должно считаться махровой конспиралогией? А ведь подобных фактов и фигур было множество.

А уже если вернуться совсем в наши дни, то речь пойдет об ином развороте темы.

Итак, если режим консолидирован, видимая альтернатива ему отсутствует, а массы не горят желанием круто изменить свою жизнь, то остается внешний фактор разжигания революции. Действие его многообразно. Можно говорить и о «геополитическом напряжении» государства, и о том, что тот или иной авторитарный режим сам резко ухудшит свое положение, ввязавшись во внешнеполитическую авантюру типа «маленькой победоносной войны», и о вмешательстве внешних акторов на стороне (контр)революции или же о чужом положительном (или отрицательном) примере. В ходе (или после) революции отношение к этому вмешательству может кардинально меняться; яркий пример политического цинизма продемонстрировали большевики, перейдя от пожеланий поражения своего правительства в мировой войне к лозунгам типа «Социалистическое отечество в опасности!». Все логично: чужого не жалко, а свою власть не отдадим.

Но часто бывают ситуации, когда правящий режим мобилизует патриотические настроения с целью консолидации против внешнего врага. Укрепить существующий порядок *превентивно*, показав как альтернативу существующие внешние угрозы – это сильный политический козырь. Разумеется, здесь не обходится без интенсивной пропаганды и тенденциозных передержек.

Сейчас в Российской Федерации стремятся заменить обсуждение внутренних напряжений указанием на внешнее вмешательство и «иностранных агентов». Якобы только субъекты, «шакалящие у посольств», призывают в Россию «майдан». Нужна особая выдержка, чтобы пройти между этими «партийными» крайностями. Здоровый социально-политический организм «агенты» не разложат, но довольно глупо надеяться на международную помощь после очередной «геополитической катастрофы». Гуманитарную помощь, быть может, и предоставят, но обглодают страну основательно – неужели история великого разграбления России в начале и, подчеркнем, в конце XX в. ничему не учит. И неужели внешняя помощь в «свержении диктаторов» в Сирии, Ираке, Ливии и ее видимые последствия – это только результат авторитарной пропаганды? Неудивительно, что такая угроза (пусть

и поданная специфическими пропагандистскими методами) оказывается очень сильным аргументом против антиправительственных выступлений и блокирует ныне многие протестные порывы.

Таким образом, пока власть в РФ весьма удачно использует «внешнюю угрозу цветных революций» для собственного укрепления. Трудно сказать, будет ли такой подход иметь успех и дальше. По контрасту, можно предположить, что именно внешние факторы будут иметь решающее значение в сохранении или падении существующего режима.

* * *

Предсказывать революцию в России (равно как и в других странах) дело не только неблагодарное, но, по сути, и невозможное. Вряд ли о революции где-либо можно со всей определенностью говорить: «Она произойдет» в силу того, что невозможно и по субъективным, и по объективным причинам оценивать степень вызревания предпосылок революции на ее предварительной стадии, невозможно также измерить постоянно меняющуюся (не)готовность людей к преодолению критических порогов, резко отделяющих одно состояние общества от другого. Невозможно указать конкретный момент, когда участвующие в событиях люди в массе своей сделают решающий выбор, чтобы оказаться на стороне победителей: сторонников старого или нового порядка. Современная наука практически не располагает средствами для таких выводов. Это возможно констатировать только в прошедшем времени: «революция в данной стране произошла» (и, соответственно, о стране, в которой она произошла, тогда можно сказать, воспользовавшись известным выражением: «она утонула»).

Что касается российской революции в прошлом, то, на наш взгляд, здесь лучше всего сказать: «она не состоялась», так как не достигла своих целей…

Литература

1. Булдаков В.П. Красная Смута: Природа и последствия революционного насилия. – Изд. 2-е, доп. – М.: РОССПЭН, 2010. – 967 с.

2. Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия 1920–1930 гг. – М.: РОССПЭН, 2012. – 759 с.

3. Булдаков В.П. Кризисный ритм российской истории: К культурно-антропологическому переосмыслению // Политическая концептология. – Ростов-на-Дону, 2015. – № 2. – С. 18–52.

4. Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. – СПб.: Питер, 2005. – 461 с.

5. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. – СПб.: Наука. – 445 с.

6. Гилев А.В. Политические трансформации на постсоветском пространстве: Имеют ли значение «цветные революции»? // Полития. Журнал политической философии и социологии политики. – 2010. – № 2 (57). – С. 107–121.

7. Голдстоун Д. Революции. Очень краткое введение / Пер. с англ. А. Яковлева. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 192 с.

8. Ковалёв В.А. Русская «смута» как предмет социологии революции П.А. Сорокина: Воспоминания о будущем? // Питирим Сорокин: Новые материалы к научной биографии. Сб. научных трудов / Под ред. Д.В. Ефременко. – М.: ИНИОН РАН, 2012. – С. 168–192.

9. Ковалёв В.А. Наша фантастическая политика: Социально-политические утопии в современной фантастике: Россия между прошлым и будущим: монография. – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014. – 172 с.

10. Ковалёв В.А. «Гайзергейт» в Республике Коми: Неработающие институты авторитарного администрирования и проблемы политического порядка // Россия и современный мир. – М., 2016. – № 2. – С. 22–38.

11. Ковалёв В.А. «Лишние» люди – новые «расколы: Основа конфликтов в современном мире // Россия и современный мир. – М., 2016. – № 3. – С. 76–87.

12. Коллинз Р. Макроистория: Очерки социологии большой длительности. Пер. с англ. / Послесл. Н.С. Розова. – М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2015. – 504 с.

13. Коллинз Р. Технологическое замещение и кризисы капитализма: Выходы и тупики // Политическая концептология. – Ростов-на-Дону, 2010. – № 1. – С. 35–50.

14. Лахман Э. Что такое историческая социология? / Пер с англ. М.Н. Дондуковского; под науч. ред. А.А. Смирнова. – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2016. – 240 с.

15. Нефедов С.А. Концепция демографических циклов. – Екатеринбург: Изд. УГГУ, 2007. – 141 с.

16. Никифоров А.А. Революция как объект теоретического осмысления: Достижения и дилеммы субдисциплины // Полис. – 2007. – № 5. – С. 92–104.

17. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после Арабской весны. – М.: ЛЕНАНД, 2013. Ответственный редактор: Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина, А.В. Коротаев.

18. Соловей В. Революtion! Основы революционной борьбы в современную эпоху. – М.: Эксмо, 2016. – 320 с.

19. Сорокин П.А. Листки из русского дневника. Социология революции / Сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. – Сыктывкар: ООО «Анбур», 2015. – 848 с. (Питирим Сорокин. Собрание сочинений).

20. Токвиль, Алексис де. Старый порядок и революция. – СПб.: Алетейя, 2008. – 248 с.

21. Хантингтон С. Третья волна. Демократия в конце XX века / Пер с англ. Л.Ю. Пантиной. – М.: РОССПЭН, 2003. – 368 с.

22. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.

23. Эйзенштадт Ш. Революции и преобразования обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Пер. с англ. А.В. Гордона под ред. Б.С. Ерасова. – М.: Аспект-Пресс, 1999. – 416 с.

24. Skocpol T. States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China. – Cambridge University Press, 1979. – 407 p.